
АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

И он ставит себе задачу постараться исследовать во время следствия не только тело, но и душу. Параллельно с этим майор решил сформулировать какой-то внятный комментарий относительно смысла жизни, а этот вопрос напрямую связан с человеческой душой.

Я очень поздно пришел в сферу писательства. Я занимался наукой, где хорошо себя чувствовал. Но в какой-то момент вдруг понял, что все не помещается только в научные рамки. Наука в конечном счете занимается только материальными вещами. И не занимается, если это не психиатрия, эмоциями. Фома Аквинский сказал, что человеку голова дана для того, чтобы думать и анализировать. И он должен действовать головой, пока это возможно. Но в какой-то момент с помощью только ума дальше идти невозможно: есть только вера. И поэтому вера не противоречит разуму. У писателя есть своя собственная программа. Я немного утрирую, но всегда протестую, когда спрашивают: «К чему призывает эта книга? Куда вы ведете своего читателя?» Мой читатель может спать спокойно. Когда речь заходит о задачах литературы, что якобы она что-то должна или не должна… Не должна! Литература должна называть действительность, описывать ее. Выражать невыраженное или невыразимое — вот это роль литературы. Это та же роль, какую играл Адам, когда его уполномочили называть животных. Что-то у нас получается, но со скрипом. Два тысячелетия назад все было гораздо лучше.

Один из персонажей — робот Иван Иванович. Как сейчас без роботов в приличной компании? Он дан, мне кажется, с достаточной дозой юмора. Но подход к нему был в высшей степени серьезен. Мы много говорили об искусственном интеллекте с Татьяной Владимировной Черниговской (советский и российский ученый в области нейронауки, психолингвистики и теории сознания, директор Института когнитивных исследований СПбГУ.— **«Ъ Стиль Клуб»**), с Александром Капланом, с другими исследователями. В книге Иван Иванович хочет стать субъектом — обрести субъектность. Вернее, не просто хочет, а понимает, что это нужно. И в романе мы расскажем, как эту субъектность в нем взращивают.

Говорить о смысле жизни легче, когда существует некий вариант творения если не человека, то человекоподобного робота. Человек создан Богом. Он носит образ Божий, а машина носит образ человеческий. Причем эта тема уже довольно давно вошла в литературу. В романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» этот вопрос решается очень хорошо для многомиллионной армии роботов: робот оказывается лучше человека, добрее, и там ничего не надо объяснять. Или книга того же автора «Не отпускай меня» с жутковатым сюжетом: там фигурируют «профилактории», где выращивают детей на органы. Невероятный рассказ идет на полном серьезе — и ты чувствуешь слезы на глазах, когда эти ребята расстаются. И я понял, что если бы автор объяснялся как-то по этому поводу, то, наверное, впечатление было бы чуть снижено. И это, наверное, лучшая позиция, потому что, чем больше объясняешь, тем больше возникает вопросов.

Прежде чем так резвиться на поле технологий, наверное, нужно понять пути отступления оттуда. Татьяна Черниговская призналась как-то, что в ситуации с роботами ее давно озадачивает, в какой момент окажется, что этот штепсель нам недоступен и робот сам будет выключать себя, когда сочтет нужным. Это действительно большая опасность, и робот будет делать это не потому, что он злой: он вообще не имеет эмоций. Он выполняет программу. И однажды для того, чтобы ее выполнить, ему надо будет удалить какое-то количество людей. Когда-то это казалось проблемой научной фантастики, а теперь — животрепещущий момент сегодняшнего дня. Мы уже знаем историю о том, как машина подала в суд на человека, который опубликовал ее текст, а у него не было на это прав. Другое дело, что и у машины не было прав, потому что она не субъект в юридическом поле.

Группа ученых пытается в романе очеловечить робота. Робот прямолинеен, он не может смеяться, поэтому Иван Иванович не может понять, что смешно, а что не очень. Но возьмем, например, шахматы. Машина стала уверенно обыгрывать людей, в том числе лучших шахматистов мира, ведь просчитать столько вариантов, сколько может она, не сумеют десять чемпионов мира, вместе взятых. Видимо, это то пространство, где нам бежать с машинами наперегонки нет никакого смысла.

Но есть другая сфера, которая нас отличает и никогда не будет свойственна машине, — это сфера чувств. У машины их нет. Иван Иванович постоянно спрашивает майора Чистова, почему он выражается так или иначе, что стоит за его действиями. Робот может выполнить любую программу, но он не может обладать целеполаганием.

Бог, на мой взгляд, — это глубоко персональное явление. И то, что мы называем душой, — это совершенно очевидно существует. Просто надо договориться о терминах. Как назвать то, что мы смеемся, радуемся, боимся, ждем, верим? Это по совокупности можно назвать душой.

И это очень интересный момент, который я попытался исследовать. Смотрите: жизнь, когда мы ее описываем в текстах, фильмах — где угодно, обладает, так сказать, знаковой частью: допустим, буквами и пробелами. Так вот, пробелы — это то, чего не хватает машине. Она не знает, что за ними стоит. Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что звуки и запахи города — это особая аура Петербурга. Он вспоминал, как финские молочницы кричали на Охте, разнося молоко, как цвета трамваев соотносились с маршрутами…

Все это является непосредственным ковром истории, но первым падает жертвой забвения, потому что ни один учебник не будет описывать, как пахло, допустим, в коридорах морского министерства. И никто об этом не помнит сейчас, а на самом деле это очень важно. Ведь если взять две истории — личную, персональную, и большую, всемирную, — то персональная для человека гораздо важнее. Она формирует его на 90%, и только на какие-то 10% — исторические события от Александра Македонского до наших дней. То, что кажется пробелами, на самом деле является душой истории и, собственно, отличает человека от машины.

Записала Светлана Куликова

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ